

**Алексей Иванов**



**Алексей Иванов**

# **ПИЩЕБЛОК**

Роман



РЕДАКЦИЯ  
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

**Издательство АСТ  
МОСКВА**

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
И20

Художник — *Андрей Фerez*

**Иванов, Алексей Викторович.**

И20 Пищеблок : роман / Алексей Иванов. — Москва :  
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной,  
2019. — 413, [3] с. — (Новый Алексей Иванов).

ISBN 978-5-17-112695-7

«Жаркое лето 1980 года. Столицу сотрясает Олимпиада, а в небольшом пионерском лагере на берегу Волги всё тихо и спокойно. Пионеры маршируют на линейках, играют в футбол и по ночам рассказывают страшные истории; молодые вожатые влюбляются друг в друга; речной трамвайчик привозит бидоны с молоком, и у пищеблока вертятся деревенские собаки. Но жизнь пионерлагеря, на первый взгляд безмятежная, имеет свою тайную и тёмную сторону. Среди пионеров прячутся вампиры. Их воля и определяет то, что происходит у всех на виду.

“Пищеблок” — простая и весёлая история о сложных и серьёзных вещах. Есть дети как дети — с играми, ссорами, фантазиями и бестолковостью. Есть пионерство, уже никому не нужное и формальное. А есть вампиры, которым надо жить среди людей, но по своим вампирским правилам. Как вампирская мистика внедряется в мёртвые советские ритуалы и перелмывает живое и естественное детское поведение? Как любовь и дружба противостоят выморочным законам идеологии и вампиризма? Словом, чей горн трубит для горниста и под чей барабан шагает барабанщик?»

*Алексей Иванов*

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112695-7

© Иванов А.В.  
© ООО «Издательство АСТ»

# Пролог

## ПЕСНЯ ГОРНА

Песней горна начинается рассвет,  
Это голос пионерских звонких лет.

*М. Садовский,  
«Песня горна». 1972 г.*

— Они были сигнальщиками. Мальчик бил в барабан, а девочка трубила в горн. Они вместе встречали каждый рассвет и провожали каждый закат. Но люди не слышали песни горна и грома барабана, не замечали, как ветер треплет пионерские галстуки сигнальщиков, не видели, как на солнце сияют глаза пионеров. Всем казалось, что девочка с горном и мальчик с барабаном сделаны из гипса. А они были живые и очень любили друг друга.

Молодой вожатый с модными усиками оглядел мальчишек в палате. Мальчишки не спали — тарасились, ожидая самого страшного. Все знали, о ком идёт речь. Гипсовая девочка с горном стояла на невысоком постаменте у ворот пионерлагеря, а гипсового мальчика с барабаном не было вообще, и в асфальте темнел квадрат земли на месте исчезнувшей каменной тумбы.

— Однажды ночью, — приглушив голос, продолжал вожатый, — какие-то пионеры из нашего лагеря сбежали от вожатых, взяли камни и разбили барабанщика на куски. Утреннее солнце осветило кучу обломков. Пришли рабочие, собрали обломки и увезли на свалку. И никто не увидел, как плачет девочка с горном. Она теперь навсегда осталась одна, без своего любимого.

Мальчишки на койках пристыженно молчали. Понятно, почему: каждый из них не раз прикидывал, как расколотить гипсовую горнистку. Не со злости, конечно, а так, из праздного озорства.

— Но девочка не простила гибели мальчика. Она решила отомстить. И теперь по ночам она спрыгивает с постамента и ходит по лагерю, разыскивая тех, кто разрушил барабанщика. И если встретит в лагере кого-нибудь после отбоя, то без всякой жалости задушит каменными руками.

Пацаны лежали, изнемогая от невыносимого ужаса.

— Ну, всё, спокойной ночи, — сказал вожатый с усиками.

Он закрыл за собой дверь палаты и прошёл в свою комнату. Там его ждал напарник — слегка полноватый и кудрявый.

— Напугал их до полусмерти, — усмехаясь, сообщил вожатый с усиками. — Сочинил страшилку, что ночью гипсовая горнистка у ворот оживает, бродит по лагерю и всех душит. Мстит за барабанщика, которого раскокали.

Но кудрявый вожатый не одобрил затею усатого:

— Воспитывать страхом непедагогично.

— Зато результативно. Не будут ночью убегать из палат.

— Сомневаюсь, — возразил кудрявый. — Скорее, как-нибудь днём они разнесут горнистку вдребезги, чтобы на психику не действовала.

## Пролог. ПЕСНЯ ГОРНА

Усатый искренне озадачился.

— О таком повороте я не подумал, — признался он.

Кудрявый печально вздохнул.

А мальчишки в палате уже уснули, натянув на головы простыни. Не спал только мальчик на кровати, задвинутой в самый угол. Он молча смотрел в окно, словно чего-то ждал. Потом выпростал руку и взял с тумбочки очки. Потом сел. Потом встал и принялся одеваться, стараясь не шуметь. Потом направился к окну, с усилием отодрал шпингалет, осторожно распахнул створку, влез на подоконник и выпрыгнул наружу.

Мальчик шёл по ночному лагерю, прячась за густыми кустами акации. Длинную безлюдную аллею ярко освещали фонари. Едва слышно шептала листва. Где-то вдали выла собака. Было тепло, однако мальчика то и дело пробирал озноб. Мальчик очень боялся, но, поправив очки, твёрдо решил узнать: остаётся ли гипсовая горнистка по ночам на своём постаменте?

На аллее мелькнула какая-то неясная фигура, и мальчик застыл. Ртутный свет фонарей слепил, выжигая все тени, и не позволял разглядеть, кто там идёт по аллее. Идёт медленно. Как-то неуверенно, словно не привык ходить. Так ковыляют лежачие больные, когда им наконец-то позволяют подняться с постели и сделать несколько шагов. Но таких больных всегда кто-нибудь поддерживает, а человек на аллее был один. Если это вообще был человек.

По аллее шла девочка примерно того же возраста, что и мальчик, который укрывался за акацией. При каждом движении эта девочка странно подрагивала всем телом, будто в ней что-то ломалось. Белая блузка. Белая юбка. Белый пионерский галстук. Белые руки и ноги, белое безглазое лицо, белые каменные косы. Это была гипсовая горнистка. Она казалась роботом, но роботов включало электричество, а горнистку оживила тьма. Горнист-

## ПИЩЕБЛОК

ка искала тех, кто убил её барабанщика. Искала, чтобы тоже убить.

Мальчик за кустами попятился, повернулся и помчался прочь.

Если тьма сильнее тебя, не покидай свой дом, пока не прозвенит песня горна.



Часть первая  
**СЛЕД ВАМПИРА**



Голова обвязана, кровь на рукаве,  
След кровавый стелется по сырой траве.

*М.Голодный,  
«Песня о Щорсе». 1935 г.*



## Глава 1

# МАКАРОНЫ И БАРАБАНЫ

Олимпийские кольца укрывались даже в упругой округлости букв:

### «Олимпиада-80!»

Белые полосы транспарантов были натянуты вдоль ограждения верхней палубы речного трамвайчика и по правому борту, и по левому. Правда, судёнышко шло не по Москве-реке на фоне обновлённого и величественного стадиона в Лужниках, а по Волге, и фоном были Жигулёвские горы, древние, покатые и покрытые кучерявым лесом. И вёз трамвайчик не широкоплечих атлетов-олимпийцев, а рогожные мешки с гречкой и сахаром, картонные коробки с макаронами и сухофруктами, алюминиевые бидоны с молоком — в общем, продукты для пищеблока пионерского лагеря «Буревестник». Но вымпел на мачте кораблика развевался по-олимпийски яростно.

Иван Палыч Капустин, капитан, сидел за штурвалом, больше похожим на автомобильный руль. Поверх реч-

ной тельняшки с синими полосами Иван Палыч надел чёрный китель, уже изрядно заношенный, а на голову водрузил фуражку с крабом и золотым рантом. Управлять речным трамвайчиком было не сложнее, чем автомобилем, но капитаны — везде капитаны. В любом из них было что-то властное, и потому Игорь Корзухин ощущал себя стеснённо, как школьник на экскурсии, хотя знал Иван Палыча с детства. Иван Палыч дружил с отцом Игоря, тоже капитаном, только Александр Егорыч Корзухин командовал не галошей, то есть теплоходиком типа «Москвич», а сухогрузом типа «Волго-Дон» — огромным, почти как авианосец. Игорь сидел в рубке на месте моториста, и Капустин искоса поглядывал, чтобы пассажир не взялся за рычаг, которым переводят двигатель с обычного хода на обратный, — можно запороть машину. Перед Игорем на панели темнели циферблаты: число оборотов, давление масла, температура воды охлаждения. Игорь знал, как управляют судном, и, конечно, не стал бы дёргать за рукоять: дурак он, что ли? Но Иван Палыч не доверял этому сопляку. Слишком много в юнце было выпендрёжа: и джинсы, и самодельный значок с гитаристом, и патлы.

— Чего не постригся-то перед сменой? — недовольно спросил Капустин.

— Я постригся, — ответил Игорь.

Капустин, разумеется, не понимал: когда волосы закрывают уши — это и есть самый модный причесон. Ещё Игорь отпустил усики, которые, впрочем, получились по-юношески реденькими. Ну и ладно. Летом надо успеть похипповать, ведь осенью в универе начнётся военная кафедра, где всех заставят обтесать башку машинкой под общий скучный полубокс.

Минувшей весной Игорь окончил второй курс филфака университета. После сессии студенты-филологи отправлялись на фольклорную практику по деревням

Поволжья: расспрашивали старушек про забытые обряды, записывали народные песни, местные былички и диалектные слова. На филфаке по большей части учились девушки, и поездки в глубинку всегда были наполнены любовным томлением. Шаткая ограда морали качалась под напором чувств, удерживаемая лишь воспитанием и естественной робостью. С робостью Игорь справился, а воспитание надеялся преодолеть, но в июне, к величайшей своей досаде, подхватил на Волге простуду, и в экспедицию его не взяли. Фольклорную практику деканат заменил ему педагогической: надо было отмотать одну смену вожатым в пионерлагере. Что ж, и это неплохо. Вожатыми работали студенты пединститута, точнее, студентки, потому что в педи, как и на филфаке универа, девушки тоже были в большинстве. Игорь полагал, что студентки-педагогини ничем не хуже универовских филологинь, а может, и лучше, если после практики не захочется продолжать отношения.

Широкая река на ярком солнце сверкала перед носом трамвайчика, и вдали рассыпчатый блеск сливался в сплошное ослепительное полыхание. Двигатель трамвайчика глухо клокотал где-то в недрах под рулевой рубкой. Окна рубки смотрели на все четыре стороны. Возле низкого левого берега Игорь увидел растопыренную, как железный паук, землечерпалку. Её труба, лежащая на решётчатой стреле, сплошным потоком извергала жидкую пульпу в разверстый трюм пришвартованной самоходной баржи.

— Олимпиаду в лагере-то не пропустишь? — спросил Капустин.

Олимпиада начиналась через неделю. Все ждали её открытия с каким-то непонятным предчувствием праздника — так ждут Новый год, надеясь, что всё плохое само собой отвалится и останется в прошлом. Но что особенного мог получить от Олимпиады закрытый город Куй-